

Екатерина
МИХАЙЛОВА

Ведущий тренер Института групповой и семейной психологии

Я у себя ОДНА,

или Веретено Василисы

«Я уже давно
поняла, что я
у себя одна,
но, бегая
между семьей
и работой,
часто об этом забываю.
Сегодня я буду учиться помнить
это каждую минуту»

Звезда тренинга

Екатерина Михайлова

**Я у себя одна, или
Веретено Василисы**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 159.9
ББК 88.52

Михайлова Е. Л.

Я у себя одна, или Веретено Василисы / Е. Л. Михайлова —
«Издательство АСТ», 2019 — (Звезда тренинга)

ISBN 978-5-17-115586-5

Бывают книги, встреча с которыми становится событием. Как минимум потому, что они помогают взглянуть на свою жизнь иначе, чем мы привыкли. К их числу принадлежит и эта. Именно таким необычным взглядом она и отличается от многочисленных книг «про женщин» и «про женскую психологию». Хотя, разумеется, речь в ней идет и о том, и о другом. А еще о женских психологических группах и их участницах, о гендерных мифах и о том, как они появляются. А также о том, почему мы такие, какие есть, и может ли быть иначе. Узнавания сменяют открытия, боль и страх чередуются с иронией и озорством, пониманием и любовью... Так и крутится веретено, сплетая нитку жизни – жизни женщины и жизни вообще, в которой столько разного... А прочитать книжку полезно всем – независимо от пола, возраста и профессии. Право слово, равнодушными не останетесь.

УДК 159.9
ББК 88.52

ISBN 978-5-17-115586-5

© Михайлова Е. Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Благодарности, или просто возможность сказать «спасибо»:	6
Чистосердечное признание автора	7
Двенадцать лет спустя: шли годы, смеркалось	9
Кто боится Василисы Премудрой	14
Своим голосом: женщины без мужчин	17
Дан приказ: ему на запад, ей – в другую сторону...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Михайлова

Я у себя одна, или Веретено Василисы

© Екатерина Михайлова

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

Благодарности, или просто возможность сказать «спасибо»:

- Всем участницам женских групп разных лет и мест – за честь и удовольствие совместной работы. Имена и узнаваемые детали ваших историй в этой книге изменены, потому что мы так договаривались. Иногда мне было очень жаль это делать: подробности бесценны. Но уговор дороже.

- Психодраматистам – учителям и коллегам – за науку, за особый цеховой кураж, за знание тайных троп в ад и обратно.

- Всем бывшим и нынешним сотрудникам Института групповой и семейной психологии и психотерапии, без которых не было бы женских групп, следовательно, и этой книги.

- Директору Института и моему мужу Леониду Кролю, поддержавшему в свое время проект, в успех которого не очень-то и верил.

- Покойной Ирине Васильевне Тепикиной, редактору и повитухе первого издания этой книги: столько лет и дел миновало, а книга жива – видно, славно нам тогда поработалось.

- Моим читателям, женщинам и мужчинам, все эти годы говорившим со мной о том, что для них важно.

Чистосердечное признание автора

Что касается этой книги... Сам предмет ее ни на секунду не позволяет забыть, что мы ведем свой разговор в пространстве, насыщенном парами разнообразной гендерной – то бишь связанной с «социальным», а не биологическим полом – мифологии. Не только что насыщенном, а с превышением «предела допустимой концентрации». Нравится нам это или нет, но надышались по самое некуда. Попробуйте-ка сказать о «женщинах вообще» хоть что-нибудь неизбитое – все равно получится банальность, глупенькая младшая сестренка мифа. Бородатая патриархальная мифология перепуталась в наших бедных головах с новейшей феминистской, которая, на мой взгляд, обладала всеми чертами бунтующей дочери властного отца: в яростной борьбе до поры до времени трудно разглядеть семейное сходство; в жизни примирение иногда наступает, когда папа делается слаб и немощен, а дочка становится мудрей, но то в жизни... Пока они воюют, нам-то с вами жить, вот в чем проблема. И как во всякой «семейной склоке», занимать одну сторону явно недальновидно – решение простое, но убогое. А поскольку «поле битвы» – мы сами, тем более не стоит.

Ни одно суждение, ни одна оценка в такой ситуации не могут быть неподвзятыми, и в этом смысле положиться мне решительно не на что. Разве что – с полным пониманием уязвимости такой опоры – на собственный человеческий и профессиональный опыт, на совершенно субъективное и ненадежное ощущение того, где живое и разное, а где «фанера», дутый пафос простых решений. Разве что на любимых авторов – очень мне хотелось привести их в эту книжку, чтобы другие тоже могли кого вспомнить, а кого узнать. И, возможно, полюбить. Или нет, уж в этом-то мы относительно свободны. Разумеется, авторами я считаю не только поэтов и ученых, но и тех, с кем вместе все эти годы мы пряли свою пряжу и ткали полотно общего разговора о женской жизни.

Кстати, о свободе. Я позволю себе время от времени впадать в академическую стилистику – просто потому, что это часть моего опыта. Но верна ей не останусь: собираюсь быть легкомысленной, непоследовательной и капризной – насколько получится. Добрая половина цитат извлечена из памяти, в чем честно признаюсь. Компания авторов собиралась по единственному признаку моей любви и восхищения, иногда многолетних и почтительных, а иногда совсем недавних. Известность, рейтинги и близость к вершинам научного или литературного олимпов роли не играли. У нас на женских группах без чинов, знаете ли. Почему-то рука не поднималась беспокоить тени великих поэтесс: они и так всегда с нами – «и над бездною родимой уж незнамо как летаем – между Анной и Мариной, между Польшей и Китаем». На источники ссылаться собираюсь как и когда будет удобно, а временами – не ссылаться вообще. Вот только что не сослалась, и ничего. Хотя и знаю, что это строчка великолепной Юнны Мориц. С удовольствием избавлю моего редактора от поиска страниц, изданий и прочей фигни, которой мы обе отдали дань в других наших совместных авантюрах. Из больших цитат беру только то, что мне подходит (в общем-то все так делают, но не признаются). Тенденциозный пересказ без ссылки на источник – это чистой воды сплетня, вот этим и займусь. С большим, надо заметить, удовольствием.

От логической «расчлененки» (часть первая: что такое женщина; часть вторая: история вопроса; часть пятнадцатая: выводы и рекомендации) – отказываюсь. В темном лесу – который может символизировать не только бессознательное, но и многое другое – от дефиниций мало толку. Между прочим, набрести в лесу на подозрительно заезженную дорогу – отнюдь не подарок: вместо новых и интересных мест наверняка выйдешь по ней к заплеванному садовому кооперативу, а то и к глухому забору военной части. Буду очень стараться избегать терминов – из-за их «отягощенной наследственности». Но полностью без них обойтись, боюсь, не получится. Это исключительно моя проблема. С небольшими словесными трудно-

стями поступим так: встретив незнакомое слово, дайте ему хорошего пинка – и будьте уверены, что ничего не потеряли.

Никаких претензий на полное отображение женской души, жизни и проблем не имею. Глупо и амбициозно: предмет неисчерпаем, а от «Полных энциклопедий» всего чего угодно вообще тошнит. Более того, на хорошо «пережеванные» темы высказываться как-то не тянет. К примеру, брак и карьера, равно как и правильное воспитание детей, идеальное ведение домашнего хозяйства или «семь правил охоты на любимого» не вдохновляют категорически. Скажете, что тогда остается? А вот посмотрим – глядишь, кое-что и останется.

В мои коварные планы входит также перескакивать с пятого на десятое, отвлекаться на каждый пустяк, если он покажется важным, и бессовестно умалчивать о важных вещах, нудно повторяться, бросать туманные намеки и делать провокационные заявления, а также громко распевать жестокие романсы и неприличные частушки. В темном лесу это очень бодрит, поверьте.

2003, Москва

Двенадцать лет спустя: шли годы, смеркалось

...Села я работать над новым изданием, «улучшенным и дополненным», перечитала свои же слова столетней давности – и оставила все как есть. Кроме одного пустяка: в старом тексте «феминистская мифология» чем-то там обладала в настоящем времени, а оно прошло. На полном серьезе поговаривают с разной высоты трибун, что домашнего насилия не существует, то есть и не насилие оно вовсе, что многоженство пора узаконить, а за сокрытие факта беременности установить уголовную ответственность. Старых жен отправляют в отставку, не опускаясь до объяснений. Один журнал, претендующий на элитарную интеллектуальную изюминку, спрашивает меня недавно (спрашивает, между прочим, как автора этой книги, поихнему – эксперта): почему, ну почему наши женщины так агрессивны? Ах ты батюшки, вот ведь загадка какая! Агрессивно у нас все: перебранки в Сети, дорожное движение, ремонтные работы «по высочайшему повелению», новогодние елки, больше напоминающие ракеты «земля – воздух»... да и сам воздух, которым мы дышим. Жутким летом 2010 года это всего лишь материализовалось. Гарью, пожаром, бедой разило тогда от одежды и волос, чем бы ты ни обматывалась и где бы ни скрывалась, а тут как раз и наклейки на сигаретных пачках появились: «Курение убивает». То есть, как и заведено, сами виноваты.

Мы живем в мире, где очень принято перебрасываться обвинениями почем зря. Может, и к лучшему, что так называемая гендерная тематика так и не стала предметом «всенародного обсуждения» ни в лихие девяностые, ни в мутные нулевые, ни когда пришли взрывоопасные десятилетия. Скандал, бессмысленный и беспощадный, разгорается у нас вообще по любому поводу и мгновенно, а в гендерной тематике к услугам обвинителей обоюбого пола такие пороховые погреба, что любо-дорого. Этот жанр общения, как и во времена старого доброго скандала в коммуналке, ни концов, ни причин, ни поиска выхода не предполагает. Да их и не знает уже никто.

«Нет уж, я вам скажу!» – «Нет, это я вам скажу!» – «Нечего тут!» – «Встала и стоит!» – «От такого слышу!» – далее везде, это если без откровенного криминала и рукоприкладства.

В Сети другой словарь, но та же интонация – однако, традиция.

Роли и голоса можно раздать и произвольно: от перестановки мест слагаемых «это» не меняется. Любой автор, рискнувший высказаться на тему гендерных различий не агрессивно, а как-либо еще, схлопочет по шее и будет сам виноват: а нечего!

Косвенно и совсем чуть-чуть, но и мне досталось. Когда отрывки из этой книги еще до ее выхода разместили на одном «дамском» сайте, возмущению дам не было предела, а мне дали много хороших советов: нарастить акриловые ногти, завести молодого любовника, попить ксанакс, брать пример с Аллы Пугачевой – и все пройдет! В связи с этим крошечным, но скандалом посещаемость сайта возросла, я получила пищу для размышлений и этот, как его, пиар – так что мы были в расчете. Гневная отповедь была ответом на высказанное автором соображение, что так называемый средний возраст – сложное время со сложным же соотношением утрат и обретений, что мужчины и женщины переживают его по-разному и что для женщины забота о себе не ограничивается сменой крема для лица, а требует поиска новых смыслов и жизненных задач. А если бы я обнаглела настолько, что заговорила бы о старости, наилучшем из возможных «последних действий» жизненной драмы? Или о том, какие демоны могут скрываться за милой дамской склонностью к неконтролируемым тратам? Или об эмоциональной зависимости с полным растворением в объекте оной? Ох, куда бы меня послали со всеми этими бестактностями!

С тех пор прошло пятнадцать лет. В поле массовой культуры высказывания по поводу как собственного, так и противоположного пола становились все злее, уже и лексика шла в ход вполне коммуналная – тут вам и «стервы», и «козлы», и «самки». Ну и пусть бы массовая

культура занималась любимым делом – она же всегда оперирует клише и обращается к примитивным потребностям, дело ее такое. Просто у нас *такие* клише и *такие* потребности, так мы живем. Что-то, однако, настораживало в силе и окраске раздраженных выкриков – а главное, в том, что скрыто в их тени.

«Настольная книга Стервы», «Мужчины: пособие по применению, эксплуатации и уходу»... Ах так? Ну, держитесь! Вот вам: «Чем больше женщин в парламенте, тем больше сисько-страдательных законов он принимает. Увеличивается нагрузка на бюджет, и растут налоги». – «Природе в равной степени милы и нужны все ее творения – и жестокие животные-мужчины, и покорные твари-женщины, и нет ничего унижительного в этом распределении ролей, если каждый (и каждая) полюбит жизнь как таковую, осознав свое место в ней». – Ой, испугал! Место он мне мое указывать будет! – «Мужчины как туалеты: либо занят, либо говно». Et cetera, et cetera...

Когда человек, будь то мужчина или женщина, говорит (пишет) на повышенных тонах, категорично, в приливе праведного возмущения, есть в этом громадный психологический бонус, он же вторичная выгода. Можно не слышать не только *другого* – того самого, от которого все зло, – но и *себя*. А уж если орать начинают сразу несколько голосов, то потом, как и после реального скандала, невозможно вспомнить, что же, собственно, произошло, – и вдумываться никто не станет. Пол говорящего и направленность его (ее) возмущения – не главное; важно лишь, чтобы это кого-нибудь задело, а кто-нибудь с нескрываемым восторгом счел, что «так им и надо!».

Книжки «про Стерву» и прочее в этом роде лежало в разделах «Психология общения, межличностная коммуникация», «Дом, быт, досуг» и даже «Эзотерика, религия, мистика». А куда их, спрашивается, определить?

Все это, конечно, *очень весело* и дает относительно безопасный выход бессильной ярости, страху, отчаянию и горечи, которых, разумеется, как бы и нет. Ядовитое шипение и прямые оскорбления выполняют важную задачу: и снова здравствуйте, у нас опять во всем виноват другой – тем, что у него (нее) все не так, как у людей (у нас). «Проклятые вопросы, как дым от папиросы, рассеялись во мгле. Пришла проблема пола, румяная фефела...» – это стихотворение Саши Черного называется «Песня о поле», в 1908 году обсуждать «проблему пола» было модно и весьма ново, а «проклятые вопросы» – трудно, а порой и небезопасно. Вот и мы так и не научились говорить публично – по крайней мере, о пресловутых гендерных различиях – по-человечески, без яда и обесценивания «другого». И, похоже, шанс научиться в очередной раз упущен. Ведь не так важно, кого и в чем обвиняют, – система координат знакома и так же безысходна, как драматургия скандала за стеной. Собственно, единственный вопрос в ее унылых пределах – это вопрос «кто кого?». Выбор тоже прост: или ты агрессор, или жертва. Жертва же должна быть «сама виновата», тогда агрессор прав. Такие дела.

Начитавшись всего этого ужаса, начинаешь испытывать острое желание услышать человеческий голос, баритон или меццо-сопрано, но голос, а не визг. Да вот, например... Дело было так: в том же 1908 году собрался Первый Всероссийский женский съезд – понятно, что политических интриг и идейных дискуссий было там немало, но было все же и что-то кроме этого. Посмотрите, на общей фотографии они еще с длинными волосами, которые обрежут скоро, совсем скоро... (И не в знак какого-то там протеста, просто будет война, а потом революция, разруха, голод, еще война: как мыть, где сушить эти длинные волосы?)

И вот что об этом съезде по горячим следам написал философ Розанов Василий Васильевич:

«*Забывтые* другими заговорили о *себе*! Вот сущность этого движения, содержащего в себе огромные обещания, огромные надежды. Это в смысле человеколюбия, в смысле улучшения положения целой половины рода

человеческого /.../ Как и под всем важным и сильным, и здесь под движением лежит боль, страдание, мука».

(«Русское Слово», 1908, 17 декабря, № 292)

Вот и отдышались. Можно ведь и такое встретить в той же Сети. Милый читатель, давно ли вы в последний раз видели слово «человеколюбие» в прямом его словарном значении, без иронии и стеба? И что случилось с огромными обещаниями и надеждами через сто лет? Нравится нам это или нет, ответ известен. Но какие в этой статье рассуждения о понятии «дама», а какой неожиданный взгляд на европейскую духовную культуру, на русскую жизнь того времени! Мало ли что пишут на заборах – есть же библиотеки!

Зачем рыться в помойке захудалого книжного развала наших дней, ворошить всю эту позорную кунсткамеру? Да чтобы не забывать, на каком «радиационном фоне» живешь и работаешь. И какое *знаковое поле* пересекают каждый день участницы твоих психологических групп – не в скафандрах же они ходят. Некоторые тексты, оркеструющие «женскую тему», располагаются в пространстве психологической, психоаналитической, психотерапевтической литературы. То есть с некоторой натяжкой можно сказать, что мы с автором приведенного ниже отрывка – коллеги. Однако...

«Если мужчина самоутверждается за счет удовлетворенного честолюбия, властолюбия или, на худой конец, тщеславия – сугубо человеческих, надприродных влечений, то женщина – за счет материнства или успешной эксплуатации мужского влечения к ней – проституции в тех или иных ее формах.

Женщина, если называть вещи своими именами, воспринимает внешний мир и осуществляет общение с ним прежде всего через свою промежность».

(Гитин В. Г. *Эта покорная тварь – женщина*. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003)

Вот и объяснили читателям, что на самом деле представляют из себя мужчины, женщины и психоанализ. Последний, может, и не хотел бы участвовать в дискуссии *такого* уровня, но его (психоанализ) употребили, не спрашивая согласия. И выходит, что это от его имени одна навек оказалась «покорной тварью», а другой – «жестоким животным».

Между прочим, читают это все преимущественно женщины, поскольку они вообще больше читают психологической литературы. Молча закрывают «научно-популярное издание», еще раз напомнившее, что проявлять неуместный интерес к гендерным различиям и задавать вопросы о себе самих не стоит, а то ведь ответят. И уж раз «психология и психотерапия» дают такие ответы...

Как-то незаметно вокруг оказалось разлито море исчерпывающих обобщений и рецептов, предлагающих лишних вопросов не задавать, а «осознать свое истинное место в этом мире». Для своей же пользы.

Простые ответы волшебным образом снимают все ненужные вопросы – хоть про умонастроения в обществе, хоть про экзистенциальное одиночество, хоть про уровень объявленного нормальным насилия. Тем самым не случается паузы, в которой могут возникнуть простые, но тревожащие мысли (разумеется, о себе самих)

Что я на самом деле почувствую, если позволю себе «остановиться, оглянуться»? Как избыток гнева, направленный на людей противоположного пола, связан с моим собственным опытом, особенно опытом мучительным, ранящим? И так далее, как это случается порой в психотерапии. Но до такого углубления в «свое» дойти не должно – виноватых может не остаться, а они нужны.

Поэтому ответы должны быть простыми и громкими. И все громче, громче, чтобы ничего другого не услышать и не задуматься. Потому что если перестать обвинять и обесценивать

другого, можно что-нибудь ненароком узнать о себе – не обязательно ужасное, но, возможно, требующее пересмотра убеждений или расставания с иллюзиями, и ведь никто не обещал, что после этого жить станет лучше, жить станет веселей. А к «другому» – не своему, не такому, как ты – сегодня положено относиться как к объекту.

Вот потому в последнее десятилетие столько стало тренингов, на которых учат делать что-то, «чтобы они...». К примеру, правильно покачивать бедрами и смотреть снизу вверх (Ж), соблазнить любую приглянувшуюся девушку (М) или «получить от них все, чего ты заслуживаешь» (М? Ж?) Если «другой» – объект, средство удовлетворения потребности, игрушка, то его/ее нужно правильно использовать, а в случае поломки или обнаружения непривлекательных свойств утилизировать. Для всего этого и следует понимать «их» психологию – ровно столько, сколько надо, чтобы убедиться, что батарейки еще не сели.

Популярные женские руководства с психологическим уклоном подсказывают, как выгоднее использовать стереотипы массового сознания – и тем самым служат вторичному внедрению тех же стереотипов. Мачехины дочери в «Василисе Прекрасной» отказались идти за светом к Бабе-Яге, потому что им было «и от булавок светло», и в этом свете все совершенно ясно: стервы-карьеристки обсуждают тактику ближнего боя, незамужние бедняжки слезно жалуются на жизнь, домохозяйки ругают мужей, остается только выбрать роль в этом кукольном театре. «Поиск себя» или «саморазвитие» стали такой же принадлежностью образа жизни, как свежевыжатые соки и диеты. Психотерапевтические верования, угодив в этот контекст, обращаются в свою противоположность, а слова опошляются быстрее, чем произносятся. Кто-то знает, что для тебя лучше. Делай, как говорят, и все будет хорошо. Худеем правильно. Как выйти замуж. Рисуем лошадь. Повышаем самооценку. Потому что ты достойна этого.

Все это доступно, как джин-тоник очаковского производства и прочие товары народного потребления, да и продается примерно там же – в интернете и бетонных трубах подземных переходов, ведущих к спуску в метро. Лежит себе рядышком с «Возвращением Бешеного», сборником кроссвордов и «Рублевской кухней» – в общем, правильно лежит. Народ потребляет «по интересам». По заплеванному жвачкой асфальту похаживает осанистый охранник, подбираются старушенции, веет приторными лилиями из ближайшего цветочного рая, приличного вида барышни допивают из горла и разглядывают заколки со стразами, берет за душу гитарными переборами блатной шансон, заливаются мобильники... «Огляди на Казанском или Курском вокзале московские пряные прелести – эту пьянь, этот стыд, этот смрад огляди с подобающим ужасом... А теперь посмотри на меня: я гибка, как лазутчица; краснобайство мое позади, – я молчу, как разведчица...»

Читательский отклик на «Веретено Василисы» оказался таким тихим, что сомневаешься в слове «отклик», но он был. Те, благодаря кому и для кого когда-то писалась эта книга, продолжают свое путешествие. То самое, которое предпринимается всегда в одиночку и в котором никто не обещал ни решения всех проблем, ни скорого практического результата, ни простых инструкций типа «полюби себя». И только написав книгу, я увидела, как нас много. Поразительным оказалось странное сходство в реакции совершенно разных женщин, знакомых и незнакомых, в других ситуациях явно не лезущих за словом в карман.

Удивила и поначалу даже озадачила строгость и почти безмолвие, идущее явно не от немоты: «Я прочитала “Василису”. Спасибо», – короткий серьезный взгляд, иногда скупой жест или прикосновение – и все.

Как будто разговор уже состоялся, а теперь – нам пора. Как будто встретились в толпе члены тайного ордена или рядовые, воевавшие на одном фронте. Ничего не нужно объяснять: свои и так понимают, чужим ни к чему. Немногие же читатели-мужчины, тоже очень разные, тогда же удивили тем, что прямо, по-мужски, признавались: плакали. Я не знаю, о ком – маме, сестре или нерожденной дочери. Не о себе, но и о себе тоже, о нашей общей боли. Мужики,

спасибо – и за то, что читали (а я знаю, на каких страницах особенно хотелось бросить), и за то, что сказали. Мне очень важно это помнить, и я помню.

Трезвый взгляд на жизнь не чужд печали и именно поэтому допускает – даже предполагает – и улыбку. Я, конечно, не стремилась огорчить тех, кому книга показалась мрачной, но притом и не удивлена, что они рассердились. Ну, дело добровольное. Книга, к счастью, в отличие от всего того, что изливается с плазменных панно и из динамиков, – субстанция управляемая. Захотел – открыл, захотел – закрыл, забыл, забил: «каждый выбирает по себе».

В шуме никому уже не интересного вялотекущего скандала тихих голосов не различить, но они есть. Я знаю, почему их почти не слышно. *Silentum*, ибо «своим голосом и о том, что важно для меня» имеет смысл говорить не везде, не со всеми – и далеко не всегда.

Эта неотделанная, «неформатная» и искренняя речь делает человека, его или ее, в чем-то более одиноким и уязвимым, чем нерассуждающий потребитель «культурных консервов». Необходимость собственного – всегда нелегкого и всегда в одиночку – путешествия в темный лес, к трудным заданиям Бабы-Яги, мимо загадочных всадников и назад, в свою жизнь, лишь оформлена образами «женской сказки».

Просто так уж сложилось у нас, что женщинам оказалось и важнее, и, возможно, в чем-то легче эту необходимость признать. А я за прошедшие с выхода первой «Василисы» двенадцать лет благодаря им увидела, услышала и поняла кое-что, чего не знала тогда, – и готова рассказать несколько новых историй. Потому и взялась перелицевать и обновить старую и любимую свою книжку.

Напомню тем, кто эту сказку подзабыл: у нелюбимой падчерицы после встречи с таинственной и пугающей старухой остается в руках источник яркого – неприятно яркого, убийственно яркого – света, который избавляет от лишнего и особенно от того, что враждебно и на самом деле ни в каком свете не нуждалось. Рукодельница Василиса была послушной дочерью своего почтенного отца, делала что сказали, притом делала хорошо. Даже неся домой опасный дар, она всего лишь исполняла мачехин наказ. Но со светом, как оказалось, шутки плохи. Впрочем, не будем забегать вперед...

Пока я тут болтала, похоже, мы пришли. «Хорошо, – сказала Баба-Яга, – знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня, а коли нет, так я тебя съем! – Потом обратилась к воротам и вскрикнула: – Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь, ворота мои широкие, отворитесь!».

2016, Москва

Кто боится Василисы Премудрой

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбежать за огнем к Бабе-Яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду!

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок, – мне от спиц светло!

– Тебе за огнем идти, – закричали обе, – ступай к Бабе-Яге!

Совершенно дурацкое дело – объяснять, почему веретено, Василиса и какое это имеет отношение к названию «Я у себя одна» и женским группам, которые я уже довольно давно веду. Почему, к примеру, не «Коклюшки Кассандры» или «Наперсток Натальи»? Так и вижу пару-тройку ироничных коллег: «веретено», конечно же, фаллический символ, а Василиса – имя несколько двуполое, а все вместе – это, разумеется, зависть к пенису, как завещал дедушка Фрейд. Ребята, я вас все равно люблю и уважаю. Другие коллеги, исповедуя иные профессиональные верования, склонятся к идее женской инициации с символикой нити судьбы, ритуалом зимних посиделок; а то еще и этимологией имени Бабы-Яги побалуют. Вишь, то ли она просто-напросто «ягая», злая то есть, то ли русифицированная версия Бабай-Аги. И тоже хорошо. Объясняться – занятие неблагоприятное, ну его совсем. А дело было так.

Сказка про Василису – имеется в виду та, в которой девочка получает в наследство от умирающей матери волшебную куколку-помощницу и по приказу мачехи идет за огнем к Бабе-Яге – стоит в ряду «женских» сказок несколько особняком. Героиня вспоминается не кротостью, красотой, бесконечным терпением или тем, как она отказывается от себя во имя, сами понимаете, большой Любви – то есть не добродетелями «хороших девочек», а чем-то еще. За своим испытанием, за страшноватым, но необходимым светом она идет в темный лес одна: ни далекий отец, ни проезжающие по другим дорогам добры молодцы ей не помощники, вся надежда на себя да на куколку. Решение и помощь находятся совсем не там, где их принято искать в «женских историях». Как сказали в одной группе: «Золушка едет в заколдованной карете, на ней все чужое, все иллюзия; Спящая Красавица вообще лежит себе и ждет принца, а Василисе ждать нечего, и она идет пешком. И хотя все кончается, как положено, свадьбой – путь другой, решение другое». Во многих женских группах как-то сама собой эта сказка оказывалась сказкой «про другое».

Например, про то, что наступает в жизни такой момент, когда гаснет свет, а идти за ним приходится далеко, в страшный темный лес, к Бабе-Яге. Или про то, что кому-то и «от булавок светло», но довольство этим булавочным светом – до поры. Или про то, что волшебная куколка и материнское благословение спасают и в черный час, только в жизни куколку порой приходится делать своими руками, а за благословением отправляться в нелегкое странствие, искать его трудно и настойчиво, когда – в туманной семейной истории, в родовой мифологической прапамяти, а когда и вовсе не в своей кровной семье. Или про то, что некоторые вещи никак, ну никак невозможно узнать раньше срока: есть такое знание, до которого еще дожить надо, а до того оно чужое и бесплодное. Или про ненадежную, в самый неподходящий момент поворачивающуюся спиной «фигуру отца», который, понятное дело, порой и не отец вовсе. Или про то, как страшит непонятное, не встречавшееся в предыдущей жизни – и как важно бывает все-таки в этот опыт войти...

У всякой сказки смыслов и тайн много. Да, есть несколько блестящих интерпретаций этой. К примеру, есть прелюбопытный анализ «Василисы» в «Бегущей с волками» Клариссы Пинколы Эстес. Пересказывать его не стоит, а от удовольствия процитировать не откажусь:

«Мы уже убедились, что оставаться слишком кроткой глупышкой опасно. Но, быть может, вы все еще сомневаетесь, быть может, вы думаете: «Господи, да кто же захочет быть такой, как Василиса?» Вы захотите, уверяю вас. Вы захотите быть такой, как она, сделать то, что сделала она, и пройти по ее следам, ибо это путь, который позволит вам сохранить и развить свою душу»¹.

«Англизированная» версия самой сказки, конечно, отвлекает от сути – как вам нравится Баба-Яга, которая говорит Василисе: «Ну что же ты, милая!», – и вдобавок называется «колдуньей»? Мы-то знаем, как старуха изъясняется на самом деле...

Впрочем, это все пустяки: «подлинная история Василисы Премудрой» (по другим источникам – Прекрасной) вполне доступна и есть в любом мало-мальски приличном сборнике русских народных сказок, по соседству с «Пойди туда, не знаю куда» и «Финистом – Ясным Соколом». Сказка как сказка: в меру жестокая, в меру загадочная, со времен детского чтения полузабытая, перепутавшаяся в памяти с другими сказками... Важнее-то не это: она *работает*. И бывшая рыженькая девочка из подмосковного военного городка, дочка суровой матери и внучка нелюбящей бабки, разыгрывая с помощью группы «Василису», сделала для себя что-то очень важное. И печальная мама трех требовательных дочерей почему-то посветлела лицом, побывав Бабой-Ягой. (Между прочим, Бабу-Ягу в женских группах не очень-то и боятся, относятся к ней почтительно, но с юмором.) А вот еще: энергичная умница-журналистка почему-то вспомнила, как бабушка говорила ей много-много лет назад: мол, в молодости шустрая была, что твое веретено... Вот оно-то ей от бабушки и осталось, только внучке прясть некогда и незачем – надо самой вертеться.

А на некоторых группах Василиса почему-то не вспоминается, они сочиняют или помнят другие сказки «про другое». Вот одна: «Моя жизнь как кочан капусты. Листья смотрят наружу. Этот – к друзьям, этот – к детям, этот – к мужу, этот – к родителям, этот – к работе... Хорошие листья, успешная жизнь, но где же я сама, где кочерыжка? В эти два дня я хотела бы совершить поход за ней, хоть узнать про нее что-то». Вопрос из группы: «Это как изюминка?» – «Нет, изюминка – для других, а кочерыжка – это я и есть, та, которая у себя одна». (Конечно, кочерыжка тоже может быть проинтерпретирована по дедушке Фрейду... Если не смешно, дальше можно не читать.)

Кому как, а мне этот капустный образ – и многие другие, о которых расскажу в свое время, – ближе и симпатичней разговоров про «истинное Я» и «путь к себе». Хотя, конечно, речь идет именно о них. Но еще и о том, что готового рецепта нет: хоть ты сто раз становись перед зеркалом и говори «Я люблю и принимаю себя», хоть выучи наизусть все полезные «советы психолога» – свою нить можно спрясть только самой.

Кто же боится Василисы Премудрой? Да мы сами и боимся, что уж там. И есть чего испугаться: эта история, что называется, обязывает. Как минимум – к попытке посмотреть на свою жизнь и себя в ней иначе, чем привыкли.

«На какой-то миг Василиса пугается силы, которую несет, и ей хочется выбросить пылающий череп. [...] Это правда, я не стану вам лгать – легче избавиться от света и снова уснуть. Это правда – порой бывает трудно держать перед собой светильник из черепа. Ведь с ним мы четко видим себя и других со всех сторон – и уродливое, и божественное, и все промежуточные состояния. [...]

Плутая по лесу, Василиса, безусловно, думает о своей неродной семье, которая коварно послала ее на смерть, и хотя у девочки добрая душа, череп отнюдь не добр: его дело – быть зорким. Поэтому, когда она хочет бросить

¹ Кларисса Пинкола Эстес. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. – К.: София, 2000.

череп, мы понимаем, что она думает о той боли, которую причиняет знание некоторых вещей о себе, о других и о мире»².

...С веретеном в руках хорошо поется, вспоминается и думается, да и света, в общем-то, не надо – пальцы все и так чувствуют. И все-таки идти Василисе в темный лес к страшному костяному тыну – «как нам, чтобы понять свою жизнь, иногда приходится повернуться к чему-то тяжелому, страшному в ней». Это опять голос из группы. Пора поговорить и о ней.

---

² Кларисса Пинкола Эстес. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. – К.: София, 2000.

Своим голосом: женщины без мужчин

Я долго колебалась, прежде чем написать книгу о женщине. Тема эта вызывает раздражение, особенно у женщин; к тому же она не нова. Немало чернил пролито из-за феминистских распрей, сейчас они уже почти утихли – так и не будем об этом говорить. Между тем, говорить не перестали. И не похоже, чтобы многотомные глупости, выпущенные в свет с начала нынешнего века, что-нибудь существенно прояснили в этой проблеме. А в чем она, собственно, заключается? И есть ли вообще женщины? Конечно, теория вечной женственности имеет еще своих приверженцев. «Даже в России они все же остаются женщинами», – шепчут они.

Симона де Бовуар. Второй пол

У некоторых людей само упоминание о женских группах – да еще с девизом «Я у себя одна!» – вызывает странные фантазии: «Это вы что там, мужиков ругаете?» (Почему-то подразумевается, что иной темы для собравшихся вместе женщин не существует.) С другой стороны, в этом диком и, что важнее, фактически неверном предположении слышится дальний отзвук прокатившегося в 60–70-е годы по Америкам-Европам женского движения, в котором крупный кукиш (а то и кулак) в адрес угнетателей-мужчин и вправду был частью процесса. Все это уже вышло из мировой моды, сыграв свою роль в истории. Нынешнее время именуют «постфеминистским». Вот только кто? С порога третьего тысячелетия, да еще из России, где проблема не только не решается, но даже и не поставлена, все довольно странно. Впрочем, «группового бума» у нас тоже не было – и нет. Так что история женских групп «первого призыва» нам не указ, но знать ее все равно бесполезно. Знание, говорят, сила...

А именно: в давние времена – уже после открытия ДНК и спутника, но до СПИДа, всеобщей компьютерной грамотности, даже до волны международного терроризма, а также до лайкры, Уотергейта, Мадонны и еще много до чего – жили-были неглупые и очень сильно приунывшие жены и матери. Жили они в хорошеньких пригородах, копались в хорошеньких садиках, забывали потихоньку то, чему их неизвестно зачем учили в колледжах, парковались у супермаркета и останавливались поболтать с соседками, поджидая содержавших их мужей с настоящей серьезной работы (в которой ничего не понимали) и играли в маджонг, чтобы скоротать время. Иногда волновались – это когда сын падал с велосипеда или от мужа пахло чужими духами.

Постепенно выяснялось, что если когда-то в свое время мужья обещали кое-что «в богатстве и бедности, здравии и болезни until death do us part», то это не следовало понимать буквально. Оказалось, что «мелкие домашние интересы» – вся эта прорва бесплатной работы на семью, круговерть, которой нет конца, – отупляют, съедают жизнь по капле... и презираемы миром «Настоящего Дела». Дети вырастают, а появившиеся на месте очаровательных пупсиков гадкие подростки просто невыносимы, когда матери вмешиваются в их жизнь.

А что еще могли делать эти женщины, чтобы сохранить иллюзию своей нужности? «Так что многие из них, доведенные до белого каления, пристрастились к валиуму и крепким напиткам, а некоторые присоединились к зарождающемуся женскому движению»³.

Женские группы «подъема самосознания», «социального развития», «взаимной поддержки» составляли его неотъемлемую часть. Некоторые учили тому, что никогда не поздно вернуться в колледж и после двадцатилетнего перерыва получить новое образование, профессию, начать собственное дело. Некоторые ставили жесткие и неприятные вопросы: почему,

---

³ Elizabeth Wertz. The bitch rules.

например, «мужскими» бывают «решение» и «характер», а «женскими» – «штучки» и «болтовня»? Почему я киваю и поддакиваю даже тогда, когда это мне явно во вред? Почему позволяю считать свою тяжелую и ответственную работу по дому чем-то второстепенным и вспомогательным? Кто меня всему этому научил и в чьих интересах? Были группы, которые давали возможность выплеснуть накопившиеся океаны горечи: там можно было жаловаться, кричать, проклинать ту самую счастливую жизнь, бессмысленность которой в полной мере могли понять другие женщины, разменявшие свои способности и надежды на медяки соответствия ожиданиям окружающих и иллюзию стабильности и безопасности.

Может, важнее было даже не то, что говорилось, а сама возможность быть *услышанными*, получить человеческий отклик на свои переживания без ярлыка «нервного срыва» и обвинений в том, что «с жиру бесишься». Оказалось, что женщины постоянно, с отроческих лет, ощущают себя *недоговаривающимися* – это при стереотипе-то женской болтливости! То, что для них важно, в социуме важным не считается; их мнения, умения, ценности квалифицируются как пустяки, а из чувств существующими признаются только те, которые общественно полезны (скажем, «любовь к детям») или неудобны в обращении («истерика»). Образованные господа изволили шутить, что «женщина – это грудь, влагалище и депрессия». Образованным дамам и барышням при этом полагалось тонко улыбаться – вместо того, чтобы твердо посмотреть в глаза шутнику и серьезно сказать: «Знаешь, я не нахожу это смешным. Мне кажется, что женоненавистническое определение смешным быть не может. Ты действительно подразумевал именно это?». Ну что ж, шутки на то и шутки, чтобы совместить агрессию и соблюдение социальной нормы. (Про этот механизм блистательно рассказано все тем же дедушкой Фрейдом в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному».) Про агрессию понятно, кто же ее на себе не испытывал. Интересней про социальную норму: ей суждено было измениться, и сильно.

Долгое молчание чревато воплем ярости, каковой и прозвучал на весь западный мир. Если бы этим и ограничилось, все легко свелось бы к «выпусканью пара». Дело, однако, приняло другой оборот. «Ополоумевшие бабы» оказались более чем способны изъясняться на «языке колонизаторов» и за неполные двадцать лет явили миру десятки вдумчивых и корректных исследований по вопросам различий в языке, мышлении, коммуникации мужчин и женщин. Появились новые понятия – прежде всего понятие «гендера», отражающее социальные (а не биологические) отношения пола. Сама идея о том, что «женское» означает не «худшее, чем...», а «другое», начала пускать корни в массовом сознании именно тогда. Возможность говорить «своим голосом», «другим голосом», «на своем языке» – и *о том, что важно для меня*, кто бы что ни считал по этому поводу – вот нерв и подробнейшим образом разработанный тезис сотен публицистических статей, социологических опросов и больших академических монографий⁴, повестей, эссе и стихотворений. В каком-то смысле все пишущие и читающие стали чем-то вроде огромной женской группы.

Где это сказано

Где это сказано,

Что мужьям полагаются двадцатипятидолларовые ленчи и приглашения на конференции и симпозиумы в Южную Африку,

А женам полагается бобовый суп из жестянок и культпоходы с дошкольниками в местное пожарное депо,

И где это сказано,

⁴ См., например, классическую философскую работу этого направления «Второй пол» Симоны де Бовуар или, для контраста, популярный обзор научных исследований Деборы Таннен «Ты меня не понимаешь».

Что мужьям полагаются встречи с очаровательными юристками, и с прелестными преподавательницами древней истории, и с обаятельными художницами, наследницами и поэтессами,

А женам полагаются встречи с прыщавым кассиром в универсаме, И где это сказано,

Что мужьям по воскресеньям полагается послеобеденный сон и футбольный матч по телевидению,

А женам полагаются цветные карандаши и картинки для раскрашивания с детьми,

И где это сказано,

Что мужьям полагаются восторженные похвалы, моральная поддержка и десять дней подряд горячий чай в постель при первых признаках насморка,

А женам полагаются заботы по обеспечению всего этого?

И если жена решит в конце концов,

Что пускай муж сам возит ботинки в починку, детей к врачу и собаку к ветеринару, а она тем временем будет изучать, допустим, нейрохирургию или трансцендентальную философию,

То где это сказано,

Что она всегда должна чувствовать себя

Виноватой?

Джудит Виорст, 1968

Это стихотворение было опубликовано на русском языке примерно в середине 1970-х – кажется, в журнале «Америка». Тогда оно воспринималось совершенно иначе: стоя в километровой очереди, допустим, за туалетной бумагой, довольно трудно представить себе как проблему «встречи с прыщавым кассиром в универсаме». Кто бы мог подумать, что тридцать лет спустя молодые женщины в России будут наступать на те же грабли? Кстати, с более поздними работами Джудит Виорст (которая начинала с колонок в женских журналах, а потом в далеко не юном возрасте и вправду стала психоаналитиком, а после вновь вернулась в литературу и продолжает писать на границе жанров) мы еще встретимся.

Конечно, женское движение было в гораздо большей степени политическим и экономическим, чем... как бы это выразиться... «душевым». Неудивительно, что психология, социология и конъюнктурный политический расчет быстро перепутались; те высказывания и формы поведения, для которых вчера нужно было обладать немалой решительностью или хотя бы наплевательским отношением к общественному мнению, очень быстро стали его воплощением. Нормой то есть. И тоже уже не вчера. Вот голос из восьмидесятых: «Лет двадцать назад молодые люди водили своих девушек не в театр или ресторан, а на антивоенные манифестации. Теперь они нашептывают им на ухо, что будут помогать им по дому, а вместо чайных роз на длинных стеблях посылают в подарок подписку на газетку “Слезайте с нашей шеи”»⁵.

Дело это – для западной культуры – прошлое, «women’s studies» там свое сказали и успели даже несколько надоесть. «Эти женские симпозиумы, на которых собирались одни женщины, говорили только о женщинах, читали от лица женщин тексты, написанные женщинами...» – звучит устало, без малейшего интереса, а то и ядовито. Они – эти симпозиумы, конференции, да и женские группы – просто-напросто сделали свою работу.

Иногда мне приходит в голову шаловливая «конспирологическая» фантазия: а что, если все вообще было не так? Просто нужно было вывести женщин на трудовой рынок. Если во время войны так можно было сделать «за идею», то в относительно благополучное время они

---

⁵ Сьюзен Конант. Пес, который говорил правду. (Это «собачий» детектив, действие которого происходит в Гарварде).

должны были захотеть этого сами. Значит, следовало сыграть на неудовлетворенности своей ролью, а это сделать нетрудно. Неудовлетворенность-то была, но подыграть ей в государственных интересах – какая интрига! И наивные отважные тетки, подстрекаемые агентами-провокаторами, искренне протестуют против образа жизни домохозяйек среднего класса, валом валят получать второе высшее образование и уж теперь-то «реализовать свой потенциал». Что означает: отныне она не строит из себя дурочку и сама оплачивает счета. А если в этом новом порядке ей что-то не нравится – что ж, такова плата за равные права, которых она (а на самом деле ее мама, время-то идет) сама добивалась.

Что-то в этом роде приходит в голову, когда радио в машине в очередной раз рассказывает, как женщины неправильно ведут себя на дороге (наши женщины на нашей же дороге, конечно). «Им управление транспортным средством доверили, они права и машинку эту у мужа выпрашивали, так вели бы себя соответственно!». Ну, кто-то, возможно, и выпрашивал. А кто-то горбом зарабатывал на «эту машинку», в глубине души считая право ее водить честью, привилегией, подтверждением того, что мы «не хуже». А ведь водить машину – это работа, притом тяжелая. Утром в офис, потом свозить ребенка «на спорт», заехать за продуктами, заправиться, забрать дитяtko и успеть домой до того, как во дворе уже не припаркуешься, – сплошь обязанности, сплошь маленькие городские проблемы. Символическое «разрешение» делать то же, что мужчины, кажется завоеванием – и к черту расходы, нервы и потерянное в пробках время! Как, однако, легко нас «припахивать», играя на страстном желании доказать, что мы «не хуже»...

Ну ладно, может и не было в Америке никакого такого «заговора», но в переносном смысле – все равно был, и везде: понятно же, что на упрямом желании женщины кому-то что-то доказать можно построить не одну электростанцию, а практичные «энергетики» всегда найдутся.

Тогда, в американские шестидесятые, очертания будущих системных последствий «гендерной революции» еще не были видны, а кураж захлестывал, а цель казалась такой понятной: никогда не жить так, как жила моя мать! В восхитительном ироничном эссе «Мы проиграли, сестра» Евгения Пищикова пишет: «... в 1967-м, когда „мир сошел с ума“, первое, что сделали феминистки, – вывалили на газон перед Белым домом грузовик кокетливых домашних фартуков. Сейчас, через сорок лет после тех событий, результаты революции описываются таким образом: американки вырвались из „клаустрофобного брака“, с „принудительным материнством“ и „вынужденным целомудрием“. /.../ Ведь проблема-то была не из придуманных – до сих пор американскую женщину преследует страшный призрак материнского фартука: „В сто раз лучше тяжело работать, чем жить в тяжелом браке“. Ну, русские женщины умеют делать и то и другое одновременно – у нас вот такие получились результаты революции»⁶.

Переосмысление последствий этой истории составила часть современной западной реальности, которая уже – путем естественного эксперимента – узнала, что ни громы и молнии на головы мужчин-угнетателей, ни самостоятельное ведение дел, ни наличие престижной профессии, ни социальная успешность – не гарантия счастья. Что, разумеется, не означает его наличия в традиционной модели семьи и брака, растворения в детях и внуках. А означает, видимо, что простые и массовые рецепты – всегда иллюзия.

И поразительно, как мало мы об этом знаем. Притом знание наше основано на самых карикатурных примерах. Вроде какой-нибудь случайной конференции под Москвой, где американские феминистки всерьез, что называется, из тяжелых орудий, распекали российских женщин за пользование косметикой «в угоду угнетателям». Или вроде довольно распространенного наблюдения про то, что «этим» ни дверь открыть нельзя, ни чемодан поднести. За

---

⁶ Пищикова Е. В. Пятиэтажная Россия. – М., Ключ-С, 2009, с. 101.

что, разумеется, другие женщины на них очень сердиты – и так-то насчет чемодана не допросишься, а уж с этой «новой нормой»...

Заметили ли вы, что всякое движение, ставящее под сомнение привычные правила, всегда в своем авангарде густо заселено людьми энергичными, красноречивыми и... как бы это выразиться... не совсем приятными в обращении? А иначе и быть не может: для того чтобы поставить под вопрос устройство мира, надо быть в состоянии этому миру противостоять, а такое занятие не для «душечек». «Душечки» собирают результаты изменений через 15–20 лет и даже не задумываются о том, откуда они взялись. Но это я так, к слову.

Кстати, о последствиях мощных когда-то движений «30 лет спустя». Искренние и готовые «бороться и искать, найти и не сдаваться» феминистки семидесятых пришли бы в ужас от некоторых отдаленных последствий своей победы. В частности, от того, что дурно воспитанная и малообразованная девица, желающая попасть в аспирантуру и не добирающая полбалла, устраивает форменное шоу по поводу того, как ее «дискриминировали по половому признаку», – и пятидесятилетний декан, дрогнув, отдает это место ей. А не мальчику, который опередил ее на полбалла, но гораздо перспективнее во многих отношениях. Мальчик поступит через год и не пропадет, а с ней такого нахлебаешься и не оберешься, что пусть поступит и заткнется. Она, конечно, не заткнется. Никогда. Она через двадцать лет станет деканом, вот увидите. И дорого я бы дала за то, чтобы подслушать, как нынешний декан объясняет парнишке свое политкорректное решение. Думаю, что общий страх перед «этими безумными бабами» и горячая к ним нелюбовь дают повод для настоящего взаимопонимания, да. Почему все «рэволюционэры» совершают одну и ту же ошибку? Почему они, победив, немедленно начинают копировать тех, кого победили, – и так до бесконечности?

А вот – прямо по теме. К вопросу о недопустимости поднесения чемоданов и пропускания вперед в дверях. Я не думаю, что блистательная пара Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, например, играли в эти игры. Оба для этого были слишком умны, цивилизованны. И, что особенно важно, оба профессионально выражали свои мысли в текстах. Зачем человеку, способному аргументированно спорить и рассматривать любой вопрос с разных сторон, выражать себя через гордый отказ от помощи поднести чемодан или иной столь же однозначный жест? Зачем той, которая может что-то рассказать миру словами, упрощать свое поведение до плакатной, «листовочной» формы?

Но вот и парадоксальный результат: про какую-нибудь дурицу из штата Айова, назидательно пыхтящую в Шереметьево-2 со своим барахлом (в знак самодостаточности), мы знаем. Рассказывали знакомые, что-то мелькало в прессе. В общем, что-то известно. А про Симону де Бовуар, не годящуюся в персонажи анекдота, – не знаем. Ее феминизм слишком умен и непрост, она бесстрашно заглядывает в такие «углы», от которых нам не по себе. Как насчет честного, до кома в горле, анализа отношений долга-любви-ненависти между матерью и дочерью? Или поразительного по бесстрашию описания женского старения – его психологии, социологии, физиологии? Не знаем мы и того, что в современной литературе сам термин «феминизм» давно уже употребляется во множественном числе, поскольку возникло множество «толков» и направлений, в том числе взаимоисключающих. Так что, по идее, возникает вопрос: если говорить о феминистской идее, то о какой? Ну не о чемоданах же, в самом деле! Ничего этого мы не знаем. Самое занятное, что и феминистская психотерапия, с ведущими работами и представителями которой, по идее, профессионалам следовало бы быть знакомыми, в отечественной «карте местности» отсутствует. Обесценивание и вытеснение – это, между нами говоря, психологические защиты... Интересно почему?

Видели, правда, когда-то Машу Арбатову по телевизору... Раздражались, восхищались... По мне, за то, что она «растабуировала» – злым и горьким пером – тему акушерско-гинекологического надругательства, ей надо бы при жизни памятник поставить, а тексты эти включить в список обязательной литературы для всех «хелперов», то бишь для людей так называемых

«помогающих профессий» – психологов, врачей, социальных работников и так далее. Вот – о практике отечественного родовспоможения:

«Все это напоминало космический корабль, жестоко запущенный с женщинами, не имеющими возможности позвать на помощь и не обученными оказать ее себе сами. Энергетика боли все больше и больше закручиваясь в воронку, толкала этот корабль вперед к катастрофе. [...] Все это произошло со мной семнадцать лет тому назад только по той причине, что я – женщина. И пока будут живы люди, не считающие это темой для обсуждения, это будет ежедневно происходить с другими женщинами, потому что быть женщиной в этом мире не почетно даже в тот момент, когда ты делаешь то единственное, на что не способен мужчина».

Это – из рассказа «Меня зовут женщина», финал. Преодолеваю острое искушение процитировать больше и с деталями, от которых и при чтении-то «плохеет» – несмотря на то, что в жизни большинство из нас как-то эти «детали» пережили. Мы и об этом поговорим, но немного позже.

Так вот, сия решительная дама как-то сказала в интервью, что, *если* вы сами зарабатываете на жизнь, сами принимаете важные жизненные решения и делаете свою работу не хуже, чем делал бы ее мужчина, *то* вы – феминистка. Ой-ой, а тогда это мы все, что ли? Только никому не говорите, а то могут не так понять. Поскольку скорее всего мы зарабатываем – сами! – под руководством начальника-мужчины. Поскольку ежу понятно, что для равной социальной оценки работа должна быть сделана не просто «не хуже», а намного лучше. И даже самые отважные из нас так часто «пугаются силы, которую несут» и из последних сил избегают «той боли, которую причиняет знание о себе, о других и о мире»...

Ни один «-изм» не обходится без демагогии. Феминистская, естественно, оказалась ничем не лучше любой другой. Особенно – в популярной аранжировке, придающей *любой* идее оттенок идиотизма. «Можно утверждать, что мужчина всегда морально дурен – агрессивные феминисты (-ки) это постоянно и делают. Например: нашей современной культуре навязана идея так называемой «красоты», то есть представление о том, что люди неравны в отношении внешней притягательности. Это грех «смотризма» (lookism).

Феминистка Наоми Вульф (сама молодая и красивая) разоблачила негодяев: она открыла, что идея «красоты» возникла с развитием буржуазного, индустриального общества, примерно в XVIII веке. Женщинам внушили, что красота – это ценно, что красиво то-то и то-то, наварили кучу косметики и всяких притирок и через рекламу вкомпостировали это все в мозги. Женщины попались на удочку, отвлеклись от борьбы за свои права и по уши ушли в пудру и помаду, а тем временем мужчины захватили рабочие места и успели на них хорошо укрепиться. Когда одуроченная женщина кончила выщипывать брови – глядь, все уже занято». Это – из «Политической корректности» Татьяны Толстой. Едко, смешно и известно автору не понаслышке; ну, может быть, только самую чуточку вся эта демагогическая дурость выставлена еще дурее, чем в жизни.

Пафос простых решений вообще бессмертен, как Кошей, хотя сами решения периодически обновляются. Особенно велико бывает ликование, когда удастся найти виноватых: все беды нашего несовершенного мира от... (загрязнения окружающей среды, мирового сионизма, мужчин-угнетателей, феминисток... нужное подчеркнуть). Занятно жить на этом свете, дамы и господа. Как только «простое решение» названо и объявлено верным, никакого «роста самосознания» вроде бы уже и не нужно. Более того, оный рост становится даже вреден и опасен, ибо понимание себя и других ведет к сомнениям, а там, глядишь, и к терпимости, состраданию, самостоятельному мышлению... А это уже не для демонстраций или митингов протеста, это история личная, одинокая по определению...

Мода на женские группы в западной культуре прошла – и слава Богу: там, где «модно», следует остерегаться дешевки и подделок. Из обязательных для «каждой думающей женщины» они стали чем-то, к чему можно иногда обратиться в период раздумий о выборе, необходимости прислушаться к собственным чувствам или кризиса роста. Женские группы стали явлением частной (в смысле не общественной) жизни и унаследовали от своего бурного политизированного прошлого, пожалуй, лишь одно: в них по-прежнему сильно чувствуется и ценится возможность *быть услышанной*, возможность *говорить своим голосом* – и, насколько это вообще реально, без поправок на сидящего в голове «внутреннего критика», заведомо знающего, что «никому ее мнение не интересно».

В очень серьезной коллективной монографии по женским группам личностного роста и более специализированным психотерапевтическим я насчитала 59 разновидностей тематических групп разного формата. После чего сбилась, поймав себя на том, что с этими подсчетами явно не все в порядке: похоже на поиск «авторитетных источников», настоящим подтверждающих, что занимаюсь я чем-то вполне приличным, в русле традиции – вона книга какая толстенная!⁷ Третья глава этой книги называется «Пути знания: женские конструкты истины, власти и собственной личности». Там, в частности, описывается исследование, в котором женщинам задавали любопытный вопрос: «Как вы проверяете, правда ли то, что вчера казалось вам правдой?» Были и другие: «К кому или к чему вы обращаетесь, когда хотите получить честный ответ?» или «Как вы узнали то, что знаете о мире, истине, власти и себе самой?». Понятно, что для ответа – да что там, даже чтобы просто понять вопрос! – нужно держать в руках тот самый источник света, которым наградила Василису Баба-Яга. Без готовности увидеть мир и себя *в новом свете* ничего не получится.

То и дело хватать за шкуру собственного «внутреннего критика» бывает нелегко, даже когда знаешь, где он прячется и когда подает голос. В этой связи очень интересно бывает обсудить в женской группе, *кто что сказал дома, уходя*. После такого разговора как-то рассеиваются иллюзии о полной уверенности в себе, самодостаточности...

Как-то на группе одна участница вдруг застеснялась, заерзала, но набралась решимости и рубанула: «Это вообще не женская группа!» Немой вопрос застыл на лицах, а она продолжала: «Вы все нормальные умные люди! С вами интересно! А я, может, пришла, чтобы себя испытать – как я буду выдерживать щебетание идиотов в кудряшках, воображающих из себя! Понимаете, я уже пару часов сижу и думаю: почему я так представляла себе других женщин, собравшихся вместе. Есть здесь что-то только мое, и я бы с этим поработала. Но есть и не только мое, правда. Что-то, как говорится, в глаз попало: ведь и фантазию про щебечущих идиотов я не с нуля придумала, а как будто собрала из чего-то, что все время рядом». Наверное, и «в глаз попало» тоже, и не ей одной. Просто мы были в той редкой ситуации, когда про это можно говорить...

Вытаскивать из глаза то, что в него «попало», приходится часто. Вот недавно старинный знакомый пригласил на профессиональный семинар – как обычно, проходящий в выходные. «Спасибо, мне это было бы ужасно интересно, – но у меня группа». – «Кого учишь?» – «Да нет, не учебная. Женская группа, мой проект». И действительно – мой проект, с величайшими трудами и муками «пробитый», уже не первый год любимый и успешный. Интересно, вот эта легкая извинительность тона связана только с ситуацией? Или где-то глубоко внутри все-таки сидит нечто – возможно, некто – и тоже не считает эту работу «настоящим делом»?

А вот еще... Коллега, с которой мы знакомы лет сто, случайно оказалась в коридоре Института, когда участницы группы выходили из зала. Мы радостно с ней обнялись и затара-

---

⁷ Книга называется «Women and Group Psychotherapy» (1996, Ed. B. De Chant). Она не только объемистая, но и крайне интересная во многих отношениях – например, великолепной библиографией. Подарена автору психодраматисткой Иви Летце: обучение наше заканчивалось, разговоры велись обо всем на свете. Надписан подарок так: «Пусть работа множества женщин этой книги вдохновляет и поддерживает твою работу». Чем не благословение от «профессиональной крестной»?

торили про то да се. Спрашивает между делом: «Это что у тебя за красавицы такие развеселые?» На мой ответ реакцией были удивленно поднятые брови: «Господи, им-то зачем?»

Коллега – *милейший человек и хороший профессионал* – всего лишь воспроизвела, не задумываясь, некое скрытое суждение... Будь оно высказано прямо, она же первая с ним не согласилась бы. Это взрослее, как ноготь, ложное допущение: ищут возможности быть услышанными и занимаются своим внутренним миром «сырые и убогие», те, у кого «не сложилось», а как только «сложится» – зачем им психологические группы? Тем самым предполагается, что традиционный женский «функционал» (включая какую-никакую карьеру) – это и есть самое что ни на есть полное удовлетворение всех потребностей, а также решение всех проблем.

А на одном семинаре для продвинутых профессионалов участница как-то спросила другую о моей персоне – мол, это кто? Ответ был по-своему правдивым и даже лестным: «А, Михайлова? Милая такая тетушка, с женщинами все больше работает» – и легкий пренебрежительный жест-отмашка. Не спрашивайте, откуда я это знаю и точно ли мне показали жест. Ах как точно показали. Это я к тому же: следует хорошо понимать, каким воздухом дышишь и «чи в лесу шишки».

Профессионалы – консультирующие психологи, психотерапевты – тоже не свободны от растворенных в окружающей среде «конструктов истины, власти и собственной личности». Это можно видеть и слышать постоянно, но мы не замечаем их так часто, что поневоле вспомнишь: «Что может знать рыба о воде, в которой плавает всю жизнь?» Это сказал Эйнштейн, хотя и по другому поводу. Кстати об ученых, о профессиональных авторитетах: как-то раз на лестнице почтенного вуза, где я подвизаюсь много лет, одна студентка «второго высшего» – то есть не девочка, а взрослая образованная женщина – говорила другой: «Ну что поделывать, профессор N вчера на лекции уже не первый раз сказал, что женщина не может быть хорошим психологом».

Между нами говоря, я давно знаю и глубоко уважаю профессора N как академического психолога. Понимаю, что в свете *«изложенного выше»* он никогда не ответит мне взаимностью. Никогда, что бы я ни написала, каких бы профессиональных успехов ни добилась, кого бы ни выучила или ни вылечила. Возможно, это не радует, но и посыпать главу пеплом по этому поводу вряд ли разумно. Просто время от времени имеет смысл получать сведения о составе воздуха – среде, атмосфере – того места, где живешь и работаешь. И кто сказал, что те или иные «примеси» содержатся только в пробах из подземных переходов? В атмосфере кафедр и лабораторий, равно как и редакций, мы найдем те же самые «химические соединения». Более того, в истории этого – и множества аналогичных – высказываний важно разделять само суждение и его выражение, в особенности если оно публичное.

Почему человек думает так или иначе – один вопрос. Почему говорит это перед аудиторией, на 80–90 процентов состоящей из будущих психологов-женщин, – вопрос совершенно другой. Значит, в его системе «конструктов истины и власти» говорить так – можно. И это проливает слабый свет на неофициальную, но вполне крепкую норму: те, чье мнение действительно для него важно, не будут шокированы. Чувства верующих не оскорблял? Не оскорблял. Ненормативную лексику не использовал? Не использовал. Чего еще запретного не делал? А, не разжигал какую-нибудь опасную рознь. Более того, он не позволил бы себе даже пошутить на многие деликатные темы, вроде национальной – это было бы гадко и неинтеллигентно. Ну а женщины, они у нас еще и не то слышали, и вообще – «ты не в Чикаго, моя дорогая».

Между прочим, формализованная «политкорректность в действии» тоже приводит к достаточно мрачной норме; мне думается, что если бы после лекции толпа студенток побежала стучать в учебную часть насчет «сексистских высказываний» лектора, а в результате у него были бы неприятности с администрацией факультета, это было бы еще хуже. И означало бы, что право гнобить, привязавшись к адекватному кампанию поводу, просто перешло в другие руки. При всех внешних различиях «той» и «этой» моделей, они родные сестры: обе основаны

на праве сильного (контролирующего) и подчинении прочих. Мы все учились понемногу... и обращаемся с собой и другими так, как научились – как узнали то, что знаем о мире, истине, власти и себе самих.

Одна моя английская коллега говаривала, что главный *male chauvinist pig*, главный мужчина-угнетатель сидит у нас вот где – и выразительно постукивала корявым пальцем по лбу. Имелось в виду вовсе не то, что мы это все выдумали. Подразумевалось, что обесценивание и принижение женщины, сравнение «всегда не в ее пользу» так глубоко усвоено – из воздуха, из культуры, от папы с мамой, – что при встрече с настоящим, живым мужским шовинизмом у нас всегда в тылу «пятая колонна». Что делая удивительные вещи дома и на работе, мы отмахиваемся – сами на себя машем рукой? – ой, да это я так... Что оценки, которыми мы пользуемся по отношению к самим себе, часто предвзяты. Что где-то таится готовность не считать саму себя чем-то важным и достойным внимания и размышлений – это право словно бы должен предоставить какой-то «Он». И что об этих своих особенностях следует знать и помнить, ибо они могут действовать без нашего сознательного ведома и отнюдь не в наших интересах...

Итак, *своим голосом – и о том, что важно для меня...*

В отечественной практике группы вообще не очень-то распространенное явление; еще кое-что известно о бизнес-тренингах («Искусство продаж» или «Сплочение команды»), кое-что – о чисто терапевтических группах – допустим, в клинике неврозов (но об этом разумный человек вряд ли будет рассказывать направо и налево). Групп на «ничейной» территории, где живут *просто люди* – не в ролях сотрудников корпорации или пациентов клиники, а сами по себе, – довольно мало. Объяснить человеку, зачем ему тратить время, силы и деньги на «это» – не принятое в культуре, не имеющее отчетливой запоминающейся «упаковки», но и не обладающее таинственностью эзотерического бдения незнамо что, – трудно. Тем не менее, уже довольно много лет эта работа делается – и надеюсь, что со временем ее будет становиться все больше. Но вот какое простенькое наблюдение родилось по ходу дела...

В российских условиях любые группы, где речь идет *об отношениях, чувствах и самопознании*, – женские. De facto, по составу – если это не мужское отделение клиники, не класс в продвинутом экспериментальном лицее, не часть какой-нибудь учебной программы. Набирая группу «для всех желающих», можно знать наверняка: «этого» – толком не представляя, что и как будет происходить, не вполне даже отдавая себе отчет в своих мотивах – желают преимущественно женщины. Как правило, образованные. Как правило, довольно успешные в традиционном смысле слова: «при работе, при детях». Цветущего возраста – старше двадцати пяти и где-то до сорока с хвостиком. Общительные, симпатичные, разные. Приносящие с собой на психологический тренинг коробку сока и какие-нибудь орешки и предлагающие «сократить обед на полчаса», потому что «когда еще вырвемся».

И хотя каноны групповой работы требуют смешанного состава – ведь группа, по идее, должна моделировать жизненные ситуации и отношения – в реальности на объявления про «Дороги, которые мы выбираем» и «Семейные роли и семейные сценарии», про «Вкус к жизни» и «Тренинг уверенности в себе» откликаются все равно преимущественно женщины. Их в пять, семь, десять раз больше, чем нетипичных мужчин, заинтересовавшихся «всей этой психологией». И, честно говоря, «нетипичность» обычно этим не исчерпывается. Видимо, для того чтобы нарушить традицию в отношении «немужественной» тематики, нужно действительно быть в чем-то необычным человеком: либо одиноким и самопогруженным искателем истины, либо «отвязанным» эксцентричным собирателем всякого рода необычных занятий, либо сильно страдающим человеком, не решающимся непосредственно обратиться за психотерапевтической помощью (эти никогда не говорят о проблеме в группе, подходят в перерывах). Но согласитесь, если мужчин на двухдневном тренинге двое из четырнадцати участников... кто угодно покажется «необычным» и почувствует себя не на своем месте. Им и правда неуютно: неизвестно куда попали, ожидают от них не пойми чего, а когда они пытаются все

же высказывать какую-то «свою правду», это встречается почтительным повышенным вниманием – и явно недостаточной поддержкой, уклончивыми высказываниями, отведенными взглядами. Невозможно же оправдать завышенные и противоречивые ожидания, служить мишенью для выражения всех претензий, обид, разочарований в мифической патриархальной фигуре – и при этом еще и нормально себя чувствовать!

Со стороны это немного похоже на родительское собрание – когда на чудом забредших туда двоих-троих пап смотрят как на «почтивших присутствием», все равно чужих и не до конца понимающих, что к чему. Снизу, свысока и издали одновременно, если такое возможно.

Но на родительском собрании можно просто «отметиться», а в группе необходима атмосфера доверия, открытости и, как минимум, равенства участников... Одна милая дама, бывавшая и на женских, и на смешанных группах, так ответила на мой вопрос о том, как она воспринимает их различия: «Ну как же, там всегда думаешь, как сядешь, что скажешь...» Простота этого комментария обманлива. Сесть следует красиво, напоказ, «сказать» непременно умное и отредактированное, и вовсе не из личного интереса к присутствующим на занятии мужчинам – просто так правильно. Мужской фигуре, роли в женском восприятии часто приписываются оценочные, «экспертные» функции. Реальные мужчины в группе могут не давать никаких оснований полагать, что они склонны осуждать или контролировать. Картина мира, в которой любой – любой! – мужчина становится значимым источником оценки и критики, тем, «кто выставляет баллы» за привлекательность, ум, оригинальность, существует в женском сознании как бы сама по себе. Что поделаешь, на то есть исторические и культурные причины, и, пожалуй, «наше наследие» потяжелее американского (уж не говоря о том, что его просто больше). Больше – и разного.

Дан приказ: ему на запад, ей – в другую сторону...

*«Позор тому, кто полагает, что у женщин нет души. У них есть что-то вроде души, как у животных и цветов». [...] Ошибочно считалось, что так постановили на Вселенском Соборе в Никее в 325 г.
Ани Анселин Шутценбергер. Синдром предков*

Очень неоднозначно это самое наследие. Опять-таки история Василисы... В ней ведь и мужчин, считай, нет: любящий папа оставляет дочь на ненавидящих ее баб и уезжает заниматься «Настоящим Делом». Царь (впоследствии муж) проявляет интерес к героине как к умнице, соткавшей немислимой тонкости полотно. Когда через «доверенное лицо» она получает заказ на шитье из этого полотна царских сорочек, любопытна реакция: «Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует». Где, спрашивается, ликование по поводу хотя бы удачного устройства дел? Где хоть на медный грошик интереса к «царскому интересу»?

Героини традиционных наших сказок вообще не кажутся трепещущими перед «фигурой мужской власти». Многие из них активны, мудры, сами принимают решения, а часто видят дальше и проницательней героя. Царевна лягушка это вам не Бедная Лиза из профессиональной (между прочим, мужской) литературы. Кстати, в человеческом воплощении «лягушонка в коробчонке» – тоже Василиса, и тоже Премудрая или Прекрасная. Крошечка Хаврошечка, конечно, жертва... но уж больно неистребимая... В отношении Марьи Моревны комментарии вообще излишни.

Все это напоминает нам – не в качестве серьезного научного пассажа, а так, по ассоциации – о некоторых занятных моментах. О том, например, что почти до времени Ивана Васильевича Грозного женщины у нас имели больше гражданских свобод, чем в Европе: девушку, например, нельзя было насильно выдать замуж. Или о том, что в Новгородской республике вдова, воспитывающая сына, именовалась «матерой» и обладала практически равными с мужчинами правами. А уж совсем в давние (но не незапамятные) времена почтенные наши предки могли зваться Людмиловичами и Светлановичами, и тогда это не было «отчеством». Как будто картинка векового угнетения верна... но не полна. Не так все просто. И даже описанная Пушкиным шокирующая практика браков между, прямо скажем, малыми детьми – когда по первости жены колошматили мужей, а уж потом, как положено, наоборот, – это тоже не вполне домостроевская практика. Так и тянется двухголосный распев: с одной стороны, «станет бить тебя муж-привередник и свекровь в три погибели гнуть», а с другой – «есть женщины в русских селеньях»... «в горящую избу войдет».

На протяжении последних поколений нашим женщинам случалось и воевать, и кормить семью, и прыгать с парашютом в тайгу – в общем, «а кони все скачут и скачут, а избы горят и горят».

Есть, однако, в этом нескончаемом героическом эпосе одна существенная деталь: не сами они это выбирали, не сами затеяли. Возможно, в двадцатые годы некая эйфория свеженького равноправия еще озаряла улыбки физкультурниц... Однако не всех, не всех... (Меня всегда поражала эта белозубость на довоенных фотографиях. Казалось бы: недоедали, чудом выжили, были лишены столь многого, стоматолога в глаза не видели. Откуда такие зубы? Неужели запаса дореволюционного здоровья хватило так надолго? Это сколько же его надо было иметь, чтобы после всех исторических испытаний улыбаться вот этой белоснежной, ничего ни о чем знать не желающей, совершенной и – на свой лад – загадочной улыбкой!) Эмансипированная «новая женщина» сама не заметила, как зашагала строем туда, куда ее направили – на тот участок трудового фронта, куда ее выгоднее было бросить. Кто шагал с верой, кто без – но шагали. Хорошо еще, если на ходу удавалось получить образование и родить. Впереди, как мы знаем,

было отнюдь не «светлое будущее», сколько бы ткацких станков она ни обслужила, – впереди был Большой террор и Великая Отечественная война.

Если выдаться возможность, обязательно посмотрите на плакат военного времени из альбома «Женщины в русском плакате» серии «Золотая коллекция». Стоит она, суровая, на первом плане, в каком-то по брови повязанном платке и брезентовых рукавицах, рядом – ящики под снаряды, на дальнем плане колоннами уходят за край изображения мужчины. Куда – понятно и что навсегда – тоже понятно. Текст, громадными буквами: «Заменяем!». И – «строит пулеметчик за синий платочек, что был на плечах дорогих». Плечи оказались негибкими, женщины – почти всемогущими.

Военная лирика дает удивительные примеры магического мышления. Когда «уходили комсомолы на гражданскую войну» и девушка ему желает, ни много ни мало, «если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой». И когда «ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь, и поэтому, знаю, со мной ничего не случится», и «как я выжил, будем знать только мы с тобой» – далее по тексту. Тексту, десятилетиями воспроизводившемуся как заклинание, хотя война давно закончилась: на школьных конкурсах чтецов, на концертах – где угодно. Мужественный Симонов с трубкой озвучил самую что ни на есть первобытную фантазию о женском всемогуществе: «она» может уберечь – или нет! – только одной силой чувства и мысли. Отголоски докатились до шестидесятых: «Я люблю вас нежно и жалеюще, но на вас завидуя смотрю: лучшие мужчины – это женщины, это я вам точно говорю». Или «за то, что ты во всем передовая, что на земле давно матриархат» – рифмуется с «хохотать» и «такая мука – непередаваемо».

И уже в мирные времена случилось так, что идея (или, скорее, переживание) силы и самостоятельности для наших женщин часто выглядит непривлекательной. Не потому ли, что она прочно связана в родовой памяти не с успехом, а с бедой, не со свободой, а с покинутостью, не с возможностями, а с необходимостью выживать. Сила эта сама себя не любит, она не «для», а «от». Шутки-прибаутки «на тему» отчетливо сигнализируют: надоело! Вот, к примеру, весьма характерный лимерик:

Гражданка одна из России
Влезала, куда не просили:
Из хаты с огнем,
Из стойла с конем
Пинками ее выносили.

Не лезь, то есть, пока не позовут (не призовут?) – спасу нет от твоего непрошеного героизма по привычке! Извините, дяденька, мы не нарочно...

И никто не скажет наверняка, сколько времени уйдет на то, чтобы в женском сознании сила и самодостаточность зазвучали и окрасились иначе, стали восприниматься как радостные, творческие, рожденные не для барачных и оборонных заводов – и не связанные с катастрофами, с прямым или символическим убийством мужчин. Наблюдения сегодняшней жизни к оптимистическому прогнозу не склоняют...

А что касается групп, которые не «должны», а на самом деле моделируют ситуации реальной жизни, даже если эти модели нам не очень нравятся... Станным образом возникает противоречивая картинка – двенадцать активных заинтересованных женщин, двое напряженных дядечек; при этом им приписывается статус, на который они даже и не претендуют. Это довольно нелепо: «мужская фигура власти» существует как мифологическая, составляет важную часть женской оценки ситуации – «как сядешь, что скажешь» – а реальные-то мужчины в этой ситуации оказываются в двусмысленном и трудном положении. Их не слышат, им не доверяют... Преодолеть это, конечно, можно – и вспомнить группы, где удавалось прорваться

через барьер «гендерных стереотипов», тоже можно. Но... чем сохранять верность групповому канону и мучительно добирать всякий раз «хоть каких-нибудь» мужчин, не честнее ли признать проблему?

Сегодня она, возможно, даже острее, чем тридцать лет назад. Если в дремучие советские времена существовала шутка – опять-таки компромисс агрессии с социальной нормой – про мужчину как «три Т» (тахта, телевизор, тапочки), то в нынешние времена мы уже узнали, куда он отправился, встав с тахты, и что из этого последовало. Как ни парадоксально, слом привычного уклада только заострил – порой до карикатуры – основные черты патриархатной культуры: ориентацию на власть, подавление, силу. Телевизионная картинка заседания какой-нибудь Думы в 90-е визуально была той же, что и картинка двадцатилетней давности: серые пиджаки. Разница в том, что сами пиджаки стали получше. А их носители шевелятся пошустрее, а то и вовсе дерутся. Тузят друг друга, могут и коллегу-депутата, уважаемую даму, за волосы оттаскать. И дело не в том, что отдельно взятый (крупным планом) психопат распускал руки, а в том, что он стал символическим выражением российской новой нормы. Да, ему сделают замечание с предупреждением: ты, мол, Петрович, чересчур... ты гляди... Но скажут с пониманием, по-своему. Потому что все действующие лица знали, что назавтра у соответствующего здания не будет стоять трехтысячная толпа разгневанных женщин с гнилыми помидорами. А будут, как и каждый день, стоять опереточного вида путаны под бдительным присмотром сутенеров на хороших машинах и дружественной милиции. И когда-то независимым средствам массовой информации освещать тут было решительно нечего – ничего нового, все и так все знают. Проехали...

Но вот уж и путан распугали, и думских заседаний не транслируют, и парковки стали в Москве платными, а в районной поликлинике запись, простите, онлайн... Как в одной авторской песне сказано, «Кому бутик открыть, кому окоп отрыть... А с Тверской страна не видна. А кто плохо жил, будет плохо жить. Это все они – времена».

С окопами, к сожалению, опять получается лучше, чем со многим другим.

Виноватых, по обыкновению, нашли, и не раз. Окаянная гражданская война никак не упокоится, в «холодной» версии пронизывает быт, работу, общение в Сети – и то и дело грозит разгореться по-настоящему, а где-то уже и полыхнуло: жестокие уроки «века-волкодава» оказались не впрок.

Зато кругом порталы, соцсети, форумы и прочая виртуальная «служба одного окна», где каждый *пользователь* может высказать свое никому не нужное мнение, которое ему то ли припомнят еще, то ли нет – и кто именно, тоже неясно. Где-то у зоркой Евгении Пищиковой сказано, что лютая нужда в довольстве собой и в том, чтобы все уложилось в понятную и стройную систему, сегодня выражается в массовой любви к кроссвордам – как и к сериалам, к спортивным трансляциям и раскраскам для взрослых, добавлю я от себя. В понятную и стройную систему все равно ничего не укладывается, но, как говаривала покойная бабушка: «Так еще не было, чтоб никак не было – как-нибудь, да будет».

...Обе мои бабки были 1905 года рождения, то есть пережили они в этой жизни много такого, что нам и представить-то невозможно. Но дожили до глубокой старости и успели прокомментировать тревожные настроения и фантомы девяностых. Покуривая «Пегас», одна из них морщила нос у телевизора: «Ну что мне этот молодой человек рассказывает: голод, разруха, гражданская война... Как будто он их видел! Он бы лучше у меня спросил! Да, кстати, я тебе рассказывала, как готовить мороженую картошку? Есть один секрет...»

Другая, воевавшая на Калининском фронте и долгое время числившаяся без вести пропавшей, навсегда искалеченная неизвестно с какой стороны прилетевшим снарядом, с удовольствием пробовала какие-то ерундовые печенюшки из немецкой гуманитарной помощи, а на мой вопрос о ее чувствах по поводу гримас мировой истории отвечала философски: «Деточка,

это было так давно, ну что теперь считаться, немцы или кто! А печенки вкусные, вот мы с тобой и почаевничаем, как барыни. Никогда не знаешь, как дальше жизнь сложится».

Иногда я представляю себе их комментарии по поводу нынешних наших обстоятельств – и мне легче. Они ведь видели много горя и зла, а смотрели на людей с жалостью, любопытством и, как ни странно, с улыбкой... Что дает *такую* силу, для меня по-прежнему загадка.

А страна все воюет – с применением высоких технологий или по-простому, мордобоем да матюками, – бесконечно выясняя, кто кого, – то есть в новых экономических условиях мужественно распевает все те же «старые песни о главном»: власть, статус, принуждение. И то, что вместо «броня крепка и танки наши быстры» звучит блатной шансон или рэп, отражает лишь изменившийся характер боевых действий.

И в регулярной армии, и в криминальной разборке место женщины определено, и перспективы у этого «места», прямо скажем, незавидные: «у войны неженское лицо». Но чего еще можно ожидать от общества, десятилетиями работавшего на войну и покорение – ах, какой глагол! – то целины, то космоса? Удивительно ли, что все женское «по умолчанию» понимается как второсортное, неважное, не стоящее серьезного внимания? Расскажу всего один из коллекции профессиональных сюжетов новейших времен – тоже уже ставших историей. Пока недавней.

... Знакомьтесь: Геннадий, один из пяти мужчин, участников большой учебной группы в большом городе N. Гена из бывших военных, потом получил педагогическое образование и работает «заместителем директора по воспитательной части» – или как это сейчас называется – в элитарной школе. Неистошим на выдумки: какие-то клубы, соревнования, перформансы и их проекты из него просто сыплются. Успешен: уважают подростки, ласкает начальство, любят женщины, полгорода просит о частной консультации. Кажется, даже победил в своем регионе в конкурсе «Учитель года». Что называется, интересный мужчина: чеканный профиль, косая сажень, ослепительная улыбка, великолепная пластика, может и «техно» станцевать, и боевым приемом срубить. Карьера на взлете. Вполне незаурядный путь, хорошая реализация своих данных, популярность.

– Что гложет, Гена?

– Я в принципе доволен жизнью, своим выбором. Мне нравится работать с этими ребятами, видеть результат. У меня есть будущее – кое-какие предложения все время поступают, причем ставки растут. Но! Вот какое «но»... Единственные люди, от которых я не получаю и, наверное, никогда не получу той оценки, что мне, честно, очень хочется, – это ребята, знакомые еще с военного училища. Уходили из армии почти одновременно. Кто куда – большинство в бизнес. И вот они... не знаю, как сказать, чувствую только... не уважают. Нет, они звонят, когда надо детей пристроить или, там, вразумить... Но один прямо сказал: чем ты, мужик, занимаешься? Смотри, говорит, наши все – серьезные люди, ты один не при делах...

– Гена, покажи нам этого друга – стань им и скажи все, что считаешь нужным, от первого лица.

Он пересаживается на другой стул, обращается к своему месту, как если бы остался там:

– Ну, че ты, правда, в этой школе забыл? Это что, дело для настоящего мужика? У тебя же башка варит, внешность представительская, языки... Нет,

ну я, конечно, понима-аю, мамы всякие нужны, мамы всякие важны... Но ты не прав.

И снова обмен ролями, и Гена отвечает другу юности Жоре... Правильными словами отвечает, но все равно страшно собой недоволен. Потому что оправдывается, потому что получил упрек в недостатке мужественности, а как на него ответишь? Автомат Калашникова из-под стола покажешь?

Наша дальнейшая работа с Геной – это тоже другая история. И спасибо ему за пронзительную честность его обиды – девять из десяти молодых людей с похожим «раскладом» ни за что бы в ней не признались. А чувство, допущенное в сознание, – это уже шанс его прожить и перерасти. Так, по крайней мере, считают психологи и психотерапевты.

Очень хочется надеяться, что у Гены и сегодня все по-своему хорошо, а седые виски лишь добавили импозантности. А также на то, что он не вляпался в какую-нибудь местную политическую свару, не запил, не впал в отчаяние при виде современного состояния школьного образования, занят чем-то, что любит и умеет, что бы это ни было...

Вернемся к психологическим группам. Все, что «про семью», «для души» и в той или иной степени имеет отношение к психологии, квалифицируется в воинственном патриархальном сознании как женское, то есть вторичное, необязательное и в лучшем случае пригодное для домашнего *употребления*. Так что студенты факультетов психологического консультирования и психотерапии – это, в основном, на самом деле *студентки*. Покупатели книг по популярной и даже узкопрофессиональной психологии – это на самом деле *покупательницы*. Клиенты психотерапевтов (обоих полов) – в большинстве своем *клиентки*.

Что видится обществу в этом роде занятий такого, что он воспринимается как «женский»? Вообще-то, сконструировать и провести исследование было бы достаточно несложно, да и результаты его предсказуемы, об этом я уже писала в другой своей книжке⁸. «Помогающие профессии» оказались бы в приличной, но не обладающей властью и влиянием «компании» вместе с педагогикой, большей частью здравоохранения, ландшафтным дизайном и библиотечным делом. Там, где профессиональная деятельность касается сохранения, помощи, поддержки и развития, никто вслух не скажет, что это, мол, пустяки, – но обойдутся с этим именно так. «Настоящее дело», «гудя клаксонами и сверкая лакированными крыльями», промчится мимо – туда, где можно «порешать вопросы» о слиянии и поглощении, спецоперациях или по меньшей мере чемпионате по футболу. Туда, где главное – «кто кого».

«Женский вопрос», как его когда-то называли, не возникает и не может достойно обсуждаться сам по себе, он только часть огромной и болезненной темы возможного – или уже не случившегося – диалога с «другим». Надежда на этот диалог умирает последней, но пока эксперты рассуждают о том, что «пациент скорее жив, чем мертв», проходит время нашей единственной жизни. Тратить ли его на борьбу, стремление объясниться, ожидание признания или ограничиться сколь угодно несовершенной практикой самоопределения – вот в чем вопрос. А наши группы – один из возможных ответов.

---

⁸ Е. Михайлова. Вчера наступает внезапно. Психодрама и культура повседневности. НФ «Класс», 2009.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.